

А. Бухов

Разговор с соседом
Юмористические рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Бухов**
Разговор с соседом: Юмористические рассказы / А. Бухов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 224 с.

ISBN 978-5-517-83385-3

ISBN 978-5-517-83385-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своего героя и его разных пріятелей, которыхъ долженъ былъ выкапывать для развитія дѣйствія.

— Романчикъ надо? — злобно потираль я руки, — напишу, напишу, голубчикъ... Я тебѣ напишу...

Національность героя обрисовалась сразу. Безусловно, это долженъ быть малаецъ. Только къ этой націи у меня исключительное недовѣріе и полное, хорошо провѣренное незнаніе ея жизни, обычаевъ и привычекъ.

Предстояло наворотить на него массу побочныхъ обстоятельствъ, явно мѣшавшихъ интересу, какой могъ случайно возникнуть къ моему ненавистному дѣтищу. Какъ мнѣ казалось, я сдѣлаль это со вкусомъ.

Въ первой же главѣ обстоятельства складывались такъ: бѣглый малаецъ, котораго почему-то звали Арчибальдомъ, хилый, вѣчно грязный человекъ, съ вытекшимъ глазомъ и неожиданнымъ университетскимъ образованіемъ въ Дублинѣ, поселился въ маленькомъ русскомъ городкѣ, служитъ переписчикомъ на пишущей машинѣ у нотариуса и крадетъ по вечерамъ сахаръ у сослуживицы.

Для того, чтобы кто-нибудь не подумаль, что въ романѣ будетъ женщина, красивыя описанія природы или приключенія, я продуманно вставилъ, что означенный Арчибальдъ на женщинъ производилъ впечатлѣніе маринованнаго кота, видъ осенняго неба на него дѣйствовалъ, какъ хининъ въ пирожномъ, а что касается приключеній, то это былъ трусъ, боявшійся самаго безобиднаго мальчишки изъ лавочки.

Никогда еще съ такой радостью я не отдавалъ въ типографію ни одной изъ своихъ рукописей, какъ эту.

III

Результатъ получился невѣроятный. Утромъ раздался телефонный звонокъ и въ трубку полился знакомый голосъ издателя, окруженный ореоломъ неподдѣльнаго восторга.

— Какъ вамъ не стыдно... — захлебываясь говорилъ онъ.

— Я же говорилъ, — торжествующе вставилъ я, — не умѣю и не умѣю...

— За это и стыдно... Да вамъ съ семилѣтняго возраста надо было писать романы... Это же роскошь...

— Гдѣ роскошь, — обиженно заворчалъ я.

— Да романъ вашъ... Такая выдумка... Другой бы дѣлалъ героя красавцемъ, кинулъ бы ему на тридцатой строчкѣ обаятельную милліонершу, заставилъ бы его спасти цѣлую семью изъ рѣки; а у васъ такъ просто, такъ есте...

— Послушайте, вы... — оборвалъ я, чувствуя, что сдѣлалъ что-то плохо поправимое, — вы это серьезно?..

— А какъ вы думаете? Бросьте авторскую скромность... Увѣрю васъ, что если...

Я бросилъ трубку и сѣлъ портить впечатлѣніе.

— Тебѣ уродъ нравится... Просто началъ... Я тебѣ сейчасъ покажу...

Вторая глава была написана исключительно блестяще, съ точки зрѣнія быстрого прекращенія любого сенсаціоннаго романа и искренняго признанія моей неспособности въ этой области творчества.

Я передѣлалъ своего малайца въ аннамита, далъ ему столько курчавыхъ волосъ, сколько хватило бы на цѣлое племя, выставилъ его счастливымъ мужемъ двухъ красавицъ, дочерей банкировъ... Я оправдалъ его вытекшій глазъ, увѣривъ, что онъ видѣлъ имъ, какъ заяцъ. Съ самаго момента выхода его изъ конторы, онъ началъ совершать невообразимые подвиги; прыгалъ съ крыши на крышу изъ-за потеряннаго котенка, обезпечилъ на всю жизнь двухъ нищихъ, походя усыновилъ кухаркинаго сына и даже уступилъ на ночь свою кровать какому-то прокаженному, котораго онъ выискалъ гдѣ-то на окраинѣ города.

Если бы я прочелъ гдѣ-нибудь такое продолженіе первой главы, несмотря на свой спокойный характеръ, я все же непременно искалъ бы встрѣчи съ авторомъ, нашель бы его и долго таскалъ бы его по полу, на глазахъ у всѣхъ очевидцевъ этой возмутительной сцены.

IV

На этотъ разъ человѣкъ, принесшій мнѣ печальную новость, былъ очень далекъ отъ нашей газеты.

— Очень хорошій романъ, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, — а главное, очень жизненно. У нихъ,

у этихъ аннамитовъ, всегда такъ. Съ виду маленькій и глазъ вытекъ, а на самомъ дѣлѣ, и красавецъ, и самоотверженный, и...

— Ничего подобнаго. Аннамиты — негодяи, — сурово оттолкнулъ я эти нарождающіяся симпатіи, — и этотъ челоуѣкъ мерзавецъ.

— Я сразу замѣтилъ, что это отрицательный типъ. И вы очень хорошо придумали сдѣлать героя именно такимъ...

Потомъ подошелъ другой. Ему очень понравилось что въ романѣ иностранецъ, мало женщинъ и нѣтъ описаній природы. Третьему понравилось, что мой Арчибальдъ, которому я вообще старался съ перваго же момента придать все ненавистное мнѣ, чавкаетъ во время ѣды, читаетъ чужія письма и подслушиваетъ разговоры.

— Въ этомъ есть что-то жизненное. Вашъ герой близокъ къ быту. Мнѣ очень понравилось. Я даже подписался сегодня на три мѣсяца.

Въ этотъ день, съ дрожащей отъ негодованія душой, я снова сѣлъ за романъ, напрягая всѣ усилія, чтобы положить предѣлъ всякаго къ нему читательскаго вниманія. Я сразу же выкинулъ героя, отправивъ его по какому-то воровскому дѣлу въ Харьковъ. Его мѣсто въ конторѣ нотаріуса занялъ приказчикъ, выгнанный за пьянство изъ москательной лавочки. Съ рѣдкимъ упорствомъ, на протяженіи четырехсотъ строкъ я описывалъ внѣшній видъ дома, гдѣ помѣщалась контора; остановился на подробномъ описаніи пишущей машинки; сосчиталъ, сколько листовъ чистой бумаги лежало на каждомъ столикѣ. Все это

было такъ скучно и длинно, что я считалъ себя уже обезпеченнымъ отъ продолженія романа.

Тогда несчастье надвинулось въ окончательной формѣ.

— Вы знаете, что сейчасъ дѣлается съ газетой? — искоса поглядывая на меня, спросилъ издатель.

— Неужели тиражъ падаетъ? — съ тайной надеждой освѣдомился я.

— Падаетъ...—самодовольно усмѣхнулось это животное. — Растетъ, какъ никогда. Интересъ къ роману изумительный. Пишите, пишите, голубчикъ!.. Что ни глава, то неожиданность.

Я понялъ, что работа, взваленная мнѣ на плечи, начинаетъ пригибать меня къ землѣ.

V

И вотъ потекли дни длительныхъ, ѣдкихъ мученій. Просыпаясь по утрамъ, я долженъ былъ выискивать новыя приключенія для моего малайца, тыкать этого человѣка въ самыя невѣроятныя условія, слѣдить за его друзьями и выискивать ему новыя встрѣчи и знакомства.

На четвертую недѣлю я ненавидѣлъ его до глубины души острой жгучей ненавистью. Создавалось положеніе, что меня назначили опекуномъ какого-то шумнаго, крикливаго идіота, которымъ я долженъ былъ руководить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; этотъ негодяй навелъ ко мнѣ другихъ людей, завелъ себѣ женщинъ, дождался преслѣдованія полиціи,

сталъ скрыватьсѣ по какимъ-то притонамъ, и все это я долженъ былъ помнитъ до мельчайшей детали.

Жизнь потеряла для меня интересъ. Я уже не могъ спокойно посидѣть съ добрымъ знакомымъ за бутылкой вина, если во вчерашнемъ номерѣ газеты мой малаецъ оказался висящимъ между двумя крышами, причемъ сверху стояла полиція, а внизу дожидалась, когда онъ неблагополучно упадетъ внизъ, обманутая женщина съ большимъ пистолетомъ въ рукахъ...

И если я шелъ въ театръ, то только для того, чтобы закрыть во время какого-нибудь дѣйствія глаза и тягостно придумывать, изъ какого окна долженъ выставиться матрацъ для чудеснаго спасенія моего жулика, повисшаго въ воздухѣ.

Маленькія женщины въ гимназическихъ платьяхъ, кроткія и наивныя, съ которыми было такъ пріятно проводить вечера въ клубномъ саду, единственномъ мѣстѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ въ въ этомъ городѣ, испуганной волной отхлынули отъ меня.

Одна изъ нихъ открыто формулировала это событіе.

— Вы, романисты, такъ знаете женщинъ, такъ знаете... Съ вами какъ-то даже жутко разговаривать...

— Я же не романистъ, Наденька, — уныло оправдывался я.

— Ну да, не романистъ... Папа вчера говорилъ, что вашъ романъ можетъ играть даже роль въ исторіи русской литературы...

— Какую роль, Наденька? — еще унылѣе откликнулся я.

— Какъ отраженіе вѣка...

Въ этомъ городѣ было двадцать семь тысячъ жителей, два кинематографа, приѣзжая труппа и одиннадцать извозчиковъ. Она была ни въ чемъ не виновата.

А въ одну изъ субботъ пришла даже какая-то делегація изъ четырехъ человѣкъ отъ мѣстнаго благотворительнаго общества.

— Мы къ вамъ, какъ къ автору романа «Разбойникъ Арчибальдъ, или губитель силы»... Не можете ли...

Я выгналъ делегацію. Досталъ вина и цѣлый вечеръ плакалъ пьяными слезами о моихъ гибнущихъ литературныхъ способностяхъ...

VI

Наконецъ, я рѣшился вырваться изъ-подъ власти этого бездушнаго человѣка, навязавшаго мнѣ сенсационный романъ.

— Послушайте вы, — сказалъ я ему перваго числа, — я хочу это прекратить.

Понимая о чемъ идетъ рѣчь, онъ спряталъ деньги, которыя только что собирался мнѣ дать, и злобно посмотрѣлъ на меня.

— Попробуйте...

— И попробую. Сегодня же ночью я зарѣжу своего малайца.

— Я выкину васъ изъ газеты. Можете поступать кондукторомъ.

— Это лучше. Дайте мнѣ мои деньги.

— Зайдите завтра.

Въ этотъ вечеръ у меня не было папирось и ужина, но была молодая энергія и дикая воля къ свободѣ. Я собралъ все это воедино и началъ безумствовать. На протяженіи одной главы я успѣлъ кинуть на рельсы подъ курьерскій поѣздъ мою героиню, утопилъ во время увеселительной прогулки ея родныхъ, радостно отдалъ всю тайну моихъ фальшивомонетчиковъ въ руки правосудія и закончилъ краткимъ извѣщеніемъ, что первые лучи весенняго солнышка пробѣжали по трупу Арчибальда, съ перерѣзаннымъ горломъ. У меня было такое чувство, какъ будто я зарѣзалъ самого издателя.

Утромъ, когда номеръ вышелъ, издатель позвонилъ ко мнѣ.

— Зарѣзали?

— Уже.

— Ну, что же, прощайте!

— До свиданія!

— Я, лично, говорю: прощайте.

— Почему же прощайте... Я могу вамъ снова писать фельетоны, передовыя статьи, стихи.

— А по экономическимъ вопросамъ тоже можете?

— Могу.

— И этого не надо. Можете убираться изъ моей газеты куда вамъ...

Это было тоже неожиданно.

— Гдѣ же я буду жить... — подѣлился я съ нимъ невеселыми соображеніями, — у меня завтра платить за квартиру, у меня сегодня...

— Вотъ, вотъ, — злобно подхихикнулъ онъ, — десять людей перерѣзать, это ничего, а безъ квартирки прожить, это вы не умѣете. Любите кататься, любите и...

— Что же теперь дѣлать? — мрачно спросилъ я.

— Верните къ жизни вашего идиота!

— Я ему перерѣзалъ горло.

— Это не такъ страшно.

— Не знаю. Не испытывалъ.

— Дайте ему три дня отлежаться, а потомъ напишите, что здоровый организмъ этого человѣка перенесъ все...

— Я же вырѣзалъ, вытопилъ и выдавилъ всѣхъ...

— Людей много, — утѣшающе добавилъ онъ, — найдете новыхъ. Ну, какъ, значить, — работаемъ?

— Работаемъ, — съ отчаяніемъ вырвалось у меня — работаемъ...

VII

Въ романѣ человѣку походить три дня съ перерѣзаннымъ горломъ ничего не стоитъ. Малаецъ ожилъ.

Я рѣшилъ идти окольными путями. Я набралъ ему новую шайку, одаряя cadaго изъ ея членовъ внѣшностью, привычками и полнымъ портретнымъ сходствомъ съ кѣмъ-либо изъ популярныхъ гражданъ города, гдѣ выходила наша газета. Городской голова

у меня назывался Хикомъ, краль угли въ порту и поджигаль амбары. Единственнаго адвоката, красу и гордость города, я сдѣлалъ нищимъ, калѣчащимъ дѣтей. И даже одна благотворительница, милая и добродушная женщина, начала фигурировать у меня въ качествѣ судомойки.

Пришлось прекратить нѣсколько знакомствъ и перестать появляться въ клубѣ. Издатель, почувствовавъ, что это предстоитъ и ему, ходилъ около двухъ дней хмурый, но придя въ контору, начиналъ умиленно вздыхать и подсчитывать увеличивающійся тиражъ.

* — Вамъ скоро никто не будетъ подавать руки,— радостно предупредилъ я его.

— Не чужими руками сытъ человекъкъ бываетъ,— наскоро придумалъ онъ небольшое философское обоснованіе, — проживемъ и безъ нихъ.

— Они вамъ напакостятъ.

— Не боюсь. Не министровъ задѣваете. Полицмейстеръ самъ читаетъ и каждый день звонитъ: а что молъ, дальше будетъ?.. Вы ужъ только его не попробуйте.

Это была прекрасная мысль. Подъ видомъ красочнаго описанія прежней жизни одного изъ пропойць, всаженнаго въ романъ, я написалъ рѣшительно все, что я только зналъ плохого о полицмейстерѣ.

Полицмейстеръ былъ очень лѣнивый, малоподвижной человекъкъ. На этотъ разъ я сумѣлъ всколыхнуть въ немъ прежнюю энергію и подвижность: номеръ былъ конфискованъ. На другое утро каждый изъ газетчиковъ взялъ вдвое больше экземпляровъ.